

А. Н. РАДИЩЕВ

**Вольность
Ода**

1

О! дар небес благословенный,
Источник всех великих дел,
О вольность, вольность, дар бесценный!
Позволь, чтоб раб тебя воспел.
Исполни сердце твоим жаром,
В нем сильных мышц твоих ударом
Во свет рабства тьму претвори,
Да Брут и Телль еще проснутся.
Седяй во власти да смутятся
От гласа твоего цари.

2

Я в свет исшел, и ты со мною¹;
На мышцах нет твоих заклеп;
Свободною могу рукою
Прияти данный в пищу хлеб.
Стопы несу, где мне приятно;
Тому внимаю, что понятно;
Вещаю то, что мыслю я;
Любить могу и быть любимым;
Творю добро, могу быть чтимым;
Закон мой — воля есть моя².

3

Но что ж претит моей свободе?
Желаньям зрю везде предел;
Возникла обща власть в народе,
Соборный всех властей удел.
Ей общество во всем послушно,
Повсюду с ней единодушно;
Для пользы общей нет препон.
Во власти всех своей зрю долю,
Свою творю, творя всех волю, —
Вот что есть в обществе закон³.

4

В середине злачныя долины,
Среди тягченных жатвой нив,
Где нежны процветают крины,
Средь мирных под сеньми олив,
Паросска мрамора белее,
Яснейша для лучей светлее,
Стоит прозрачный всюду храм;
Там жертва лжива не курится,
Там надпись пламенная зрится:
«Конец невинности бедам».

5

Оливной ветвию венчанно,
На твердом камени седяй,
Безжалостно и хладнонравно,
Глухое божество судяй.
Белее снега во хламиде,
И в неизменном всегда виде,
Зерцало, меч, весы пред ним.
Тут истина стрежет десную,
Тут правосудие ошую, —
Се храм Закона ясно зрим.

6

Возводит строгие зеницы,
Льет радость, трепет вкруг себя,

Равно на все взирает лица,
 Ни ненавидя, ни любя.
 Он лести чужд, лицеприятства,
 Породы, знатности, богатства,
 Гнушаясь жертвенных тли;
 Родства не знает, ни приязни;
 Равно делит и мзду и казни;
 Он образ божий на земли.

7

И се чудовище ужасно,
 Как гидра, сто имея глав,
 Умильно и в слезах всечасно,
 Но полны челюсти отрав,
 Земные власти попирает,
 Главою неба досязает,
 Его отчизна там, — гласит;
 Призраки, тьму повсюду сеет,
 Обманывать и льстить умеет
 И слепо верить всем велит.

8

Покрывши разум темнотою
 И всюду вея ползкий яд,
 Троякою обнес стеною
 Чувствительность природы чад,
 Повлек в ярмо порабощенья,
 Облек их в броню заблужденья,
 Бояться истины велел.
 «Закон се божий», — царь вещает;
 «Обман святой, — мудрец взывает, —
 Народ давить что ты обрел».

9

Сей был, и есть, и будет вечный
 Источник лют рабства оков:
 От зол всех жизни скоротечной
 Пребудет смерть един покров.
 Всесильный боже, благ податель,
 Естественных ты благ создатель,

Закон свой в сердце основал⁴;
 Возможно ль, ты чтоб изменился,
 Чтоб ты, бог сил, столь уподобился,
 Чужим чтоб гласом нам вещал?

10

Воззрим мы в области обширны,
 Где тусклый трон стоит рабства.
 Градские власти там все мирны,
 В царе зря образ божества.
 Власть царска веру охраняет,
 Власть царску вера утверждает;
 Союзно общество гнетут;
 Одна сковать рассудок тщится,
 Другая волю стерть стремится;
 На пользу общую, — рекут.

11

Покоя рабского под сенью
 Плодов златых не возрастет;
 Где все ума претит стремленью,
 Великость там не прозябет.
 Там нивы запустеют тучны,
 Коса и серп там неспоручны,
 В сохе уснет ленивый вол,
 Блестящий меч померкнет славы,
 Минервин храм стал обветшавый,
 Коварства сеть простерлась в дол.

12

Чело надменное вознесши,
 Схватив железный скипетр, царь,
 На громном троне властно севши,
 В народе зрит лишь подлу тварь.
 Живот и смерть в руке имея:
 «По воле, — рек, — щажу злодея:
 Я властью могу дарить;
 Где я смеюсь, там все смеется;
 Нахмурюсь грозно — все смятется;
 Живешь тогда, велю коль жить».

13

И мы внимаем хладнокровно,
 Как крови нашей алчный гад,
 Ругаясь всегда бесспорно,
 В веселы дни нам сеет яд.
 Вокруг престола все надменна
 Стоят колена преклоненна.
 Но мститель, трепещи, грядет.
 Он молвит, вольность прорекая, —
 И се молва от край до края,
 Глася свободу, протечет.

14

Возникнет рать повсюду бранна,
 Надежда всех вооружит;
 В крови мучителя венчанна
 Омьть свой стыд уж всяк спешит.
 Меч остр, я зрю, везде сверкает,
 В различных видах смерть летает,
 Над гордою главою паря.
 Ликуйте, склепанны народы:
 Се право мщенное природы
 На плаху возвело царя!⁵

15

И ноци се завесу лживой
 Со треском мощно разодрав,
 Кичливой власти и строптивой
 Огромный истукан поправ,
 Сковав сторучна исполина,
 Влечет его как гражданина
 К престолу, где народ воссел.
 «Преступник власти, мною данной!
 Вещай, злодей, мною венчанный,
 Против меня восстать как смел?

16

Тебя облек я во профиру
 Равенство в обществе блюсти,

Вдовицу призирать и сиру,
От бед невинность чтоб спасти,
Отцем ей быть чадолюбивым,
Но мстителем непримиримым
Пророку, лже и клевете;
Заслуги честью награждати,
Устройством зло предупредати,
Хранити нравы в чистоте.

17

Покрыл я море кораблями,
Устроил пристань в берегах,
Дабы сокровища торгами
Текли с избытком в городах;
Златая жатва чтоб бесслезна
Была оратаю полезна;
Он мог вещать бы за сохой:
“Бразды своей я не наемник,
На пажитях своих не пленник,
Я благоденствую тобой”.

18

Своих кровей я без пощады
Гремящую воздвигнул рать;
Я медны изваял громады,
Злодеев внешних чтоб карать.
Тебе велел повиноваться,
С тобою к славе устремляться.
Для пользы всех мне можно все.
Земные недра раздираю,
Металл блестящий извлекаю
На украшение твое.

19

Но ты, забыв мне клятву данну,
Забыв, что я избрал тебя
Себе в утеху быть венчанну,
Возмнил, что ты господь, не я⁶.
Мечем мой расторг уставы,
Безгласными поверг все нравы,

Стыдиться истине велел;
Расчистил мерзостям дорогу,
Взывать стал не ко мне, но к богу,
А мной гнушаться восхотел.

20

Кровавым потом доставая
Плод, кой я в пищу насадил,
С тобою крохи разделяя,
Своей натуги не щадил.
Тебе сокровищей всех мало!
На что ж, скажи, их не достало,
Что рубище с меня сорвал?
Дарить любимца, полна лести,
Жену, чуждающуюся чести!
Иль злато богом ты признал?

21

В отличность знак изобретенный
Ты начал наглости дарить;
В злодея меч мой изощренный
Ты стал невинности сулить.
Сгруженные полки в защиту
На брань ведешь ли знамениту
За человечество карать?
В кровавых борешься долинах,
Дабы, упившись, в Афинах:
“Ирой!” — зевав, могли сказать.

22

Злодей, злодеев всех лютейший,
Превзыде зло твою главу,
Преступник, изо всех первейший,
Предстань, на суд тебя зову!
Злодейства все скопил в едино,
Да ни едина прейдет мимо
Тебя из казней, супостат.
В меня дерзнул острить ты жало.
Единой смерти за то мало,
Умри, умри же ты стократ!»

23

Великий муж, коварства полный,
Ханжа, и льстец, и святотать,
Един ты в свет столь благотворный
Пример великий мог подать.
Я чту, Кромвель, в тебе злодея,
Что, власть в руке своей имея,
Ты твердь свободы сокрушил;
Но научил ты в род и роды,
Как могут мстить себя народы:
Ты Карла на суде казнил.

24

Ниспал призра́к, и тьму густую
Светильник истины поправ;
Личину, что зовут святую,
Рассудок с пагубы сорвал.
Уж бог не зрится в чуждом виде,
Не мстит уж он своей обиде,
Но в действе распростерт своим;
Не спасшему от бед нас мнимых, —
Отцу предвечному всех зримых
Победную мы песнь поем.

25

Внезапу вихри восшумели,
Прервав спокойство тихих вод, —
Свободы гласы так взгремели,
На вече весь течет народ,
Престол чугунный разрушает,
Самсон как древле сотрясает
Исполненный коварств чертог;
Законом строит твердь природы;
Велик, велик ты, дух свободы,
Зиждителен, как сам есть бог!

26

Сломив опор духовной власти
И твердой мщениа рукой

Владычество расторг на части,
Что лжей воздвигнуто святой;
Венец трегубый затмевая
И жезл священный преломляя,
Проклятий молний угушил;
Смеясь мнимого прощенья,
Подъял луч Лютер просвещенья,
С землею небо помирил.

27

Как сый всегда в начале века
На вся простерту мочь явил,
Себе подобна человека
Создати с миром положил,
Пространства из пустыней мрачных
Исторг — и твердых и прозрачных
Первейши семена всех тел;
Разруша, древню смесь покоил;
Стихиями он все устроил
И солнцу жизнь давать велел.

28

И дал превыспренно стремленье
Скривленному рассудку лжей;
Внезапу мощно потрясенье
Поверх земли уж зрится всей;
В неведомы страны отважно
Летит Колумб чрез поле влажно;
Но чудо Галилей творит:
Возмог, протекши пустотою,
Зиждательной своей рукою
Светило дневно утвердить.

29

Так дух свободны, разоряя
Вознесшийся неволи гнет,
В градах и селах пролетая,
К величию он всех зовет,
Живит, родит и созидает,
Препоны на пути не знает,

Вождаем мужеством в стезях;
Нетрепетно с ним разум мыслит
И слово собственностью числит,
Невежства что развеет прах.

30

Под дровом, зноем упоенный,
Господне стадо пастырь пас;
Вдруг новым светом озаренный,
Вспрянув, свободы слышит глас;
На стадо зверь, он видит, мчится,
На бой с ним ревностно стремится;
Нечуждый вождь брежет свое, —
О стаде сердце не радело,
Как чуждо было, не жалело;
Но ныне, ныне ты мое.

31

Господню волю исполняя,
До востока солнца на полях
Скупую ниву раздирая,
Волы томились на браздах;
Как мачеха к чуждоутробным
Исходит с видом всегда злобным,
Рабам так нива мзду дает.
Но дух свободы ниву греет,
Бесслезно поле вмиг тучнеет:
Себе всяк сеет, себе жнет.

32

Исполнив круг дневной работы,
Свободный муж домой спешит;
Невинно в сердце, без заботы,
В объятиях супружних спит;
Не господу рукой надменна
Ему для казни подаренна,
Невинных жертв чтоб размножал, —
Любовию вождаем нежной,
На сердце брак воздвиг надежный,
Помощницу себе избрал.

33

Он любит, и любим он ею;
Труды — веселье, пот — роса,
Что жизненностию своею
Плодит луга, поля, леса;
Вершин блаженства достигают;
Горячность их плодом стягчают
Всецедры боги в простоте.
Безбедны дойдут до кончины,
Не зная алчной десятины,
Птенцов, что корчит в нагоде.

34

Возри на беспредельно поле,
Где стерша зверство рать стоит;
Не скот тут согнан поневоле,
Не жребий мужество дарит,
Не груда правильно стремится, —
Вождем тут воин каждый зрится,
Кончины славной ищет он.
О воин непоколебимый,
Ты есть и был непобедимый,
Твой вождь — свобода, Вашингтон.

35

Двулична бога храм закрылся,
Свирепство всяк с себя сложил,
Се бог торжеств меж нас явился
И в рог веселий вострубил.
Стекаются тут громки лики,
Не видят грозного владыки,
Закон веселью кой дает,
Свободы зрится тут держава, —
Награда тут — едина слава,
Во храм бессмертья что ведет.

36

Сплетясь веселым хороводом,
Различности надменность сняв,

Се паки под лазурным сводом
 Естественный встает устав;
 Погрязла в тине властна скверность,
 Едина личная отменность
 Венец возможет восхитить;
 Но не пристрастию державну,
 Опытностью лишь старцу славну
 Его довлеет подарить.

37

Венец, Пиндару⁷ возложенный,
 Художества соткан рукой;
 Венец, наукой соплетенный,
 Носим Невтоновой главой.
 Таков, себе всегда мечтая,
 На крыльях разума взлетая,
 Дух бодр и тверд возможет вся;
 Мир до края вознесется
 И славой новой облечется:
 Предмет его суть мы, не я.

38

Но страсти, изоцряя злобу,
 Враждебный пламенник трясут,
 Кинжал вонзить себе в утробу
 Народы пагубно влекут;
 Отца на сына воздвигают,
 Союзы брачны раздрают,
 В сердца граждан лиют боязнь;
 Рождается несытна власти
 Алчба, зиждущая напасти,
 Что обществу устроит казнь.

39

Крутятся вихрем громоносным,
 Обвившись облаком густым,
 Светилом озарясь поносным,
 Сияньем яд прикрыт святым.
 Разя, прельщая, угрожая,
 Иль казнь, иль мзду ниспосылая —

Се меч, се золото; избирай —
 И сев на камени ехидны,
 Лестей облек в взор миловидный,
 Шлет молнию из края в край.

40

Так Марий, Сулла⁸, возмутивши
 Спокойство шаткое римлян,
 В сердцах пороки возродивши,
 В наемну рать вместил граждан,
 Ругаяся всем, что есть свято,
 И то, что не было отнято,
 У римлян откупить возмог;
 Весы золотые мзды позорной,
 Предательству, убийству сродной,
 Воздвиг нечестья средь чертог.

41

И се, скончав граждански брани
 И свет коварством обольстив,
 На небо простирая длани,
 Тревожну вольность усыпив,
 Чугунный скиптр обвил цветами;
 Народы мнили — правят сами,
 Но Август выю их давил;
 Прикрыл хоть зверство добротой,
 Вождает мягкою душою, —
 Но царь когда бесстрастен был!

42

Сей был и есть закон природы,
 Неизменяемый никогда,
 Ему подвластны все народы,
 Незримо правит он всегда;
 Мучительство, стряся пределы,
 Отравы полны свои стрелы
 В себя, не ведая, вонзит;
 Равенство казнию восставит;
 Едину власть, валясь, раздавит;
 Обидой право обновит.

43

Дойдешь до меты совершенства,
В стезях препоны прескочив,
В сожитии найдешь блаженство,
Несчастных жребий облегчив,
И паче солнца возблистаешь,
О вольность, вольность, да скончаешь
Се вечностью ты свой полет;
Но корень благ твой истощится,
Свобода в наглость превратится
И власти под ярмом падет.

44

Да не дивимся превращенью,
Которое мы в свете зрим;
Всеобщему вослед стремленью
Некосненно стремглав бежим.
Огонь в связи со влагой спорит,
Стихия в нас стихию борет,
Начало тленьем тщится дать;
Прекраснейше в миру творенье
В веселии начнет рожденье
На то, чтоб только умирать.

45

О! вы, счастливые народы,
Где случай вольность даровал!
Блюдите дар благой природы,
В сердцах что вечный начертал.
Се хлябь разверстая, цветами
Усыпанная, под ногами
У вас, готова вас сглотить.
Не забывай ни на минуту,
Что крепость сил в немощность люту,
Что свет во тьму лязя претворить.

46

К тебе душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна,

Стремится, гнетом где согбенна
Лежала вольность попорана;
Ликуешь ты! а мы здесь страждем!..
Того ж, того ж и мы все жаждем;
Пример твой мету обнажил;
Твоей я славе непричастен —
Позволь, коль дух мой неподвластен,
Чтоб брег твой пепл хотя мой скрыл.

47

Но нет! где рок судил родиться,
Да будет там и дням предел;
Да хладный прах мой осенится
Величеством, что днесь я пел;
Да юноша, взалкавый славы,
Пришед на гроб мой обветшавый,
Дабы со чувствием вещал:
«Под игом власти, сей, рожденный,
Нося оковы позлащенны,
Нам вольность первый прорицал».

48

И будет, вслед гремящей славы
Направя бодрственно полет,
На запад, юг и восток державы
Своей ширить предел, но нет
Тебе предела ниотколе,
В счастливой ты ликуя доле,
Где ты явишься, там твой трон;
Отечество мое, отечество драгое,
На чреслах пояс сил, в покое,
В окрестность ты даешь закон.

49

Но дале чем источник власти,
Слабее членов тем союз,
Между собой все чужды части,
Всяк тяжесть ощущает уз⁹.
Лучу, истекшу от светила,
Сопутствует и блеск и сила;

В пространстве он теряет мощь,
В ключе хотя не угасает,
Но бег его ослабевает,
Ползущего глотает ночь.

50

В тебе, когда союз прервется,
Стончает мнений крепка власть;
Когда закона твердь шатнется,
Блюсти всяк будет свою часть;
Тогда растерзанно мгновенно,
Тогда сложенье твое бренно,
Сдрогаясь внутренно, падет,
Но праха вихри не коснутся,
Животны семена проснутся,
Затускло солнце нов даст свет.

51

Из недр развалины огромной,
Среди огней, кровавых рек,
Средь глада, зверства, язвы томной,
Что лютый дух властей возжег, —
Возникнут малые светила;
Незыблемы свои кормила
Украсят дружества венцом,
На пользу всех ладью направят
И волка хищного задавят,
Что чтит слепец своим отцом.

52

Но не приспе еще година,
Не совершились судьбы;
Вдали, вдали еще кончина,
Когда иссякнут все беды!
Встрещат заклепы тяжкой ночи;
Упруга власть, собрав все мочи,
Вскатясь горе, потщится пасть,
Да грузным махом вся раздавит,
И стражу к словеси приставит,
Да будет горшая напасть.

53

Влача оков несносно бремя,
В вертепе плача возревет.
Приидет вожделенно время,
На небо смертность воззовет;
Направлена в стезю свободой,
Десную ополча природой,
Качнется в дол — и страх пред ней;
Тогда всех сил властей сложенье
Развеется в одно мгновенье.
О день! избраннейший всех дней!

54

Мне слышится уж глас природы,
Начальный глас, глас божества;
Трясутся вечна мрака своды,
Се миг рожденью вещества.
Се медленно и в стройном чине
Грядет зиждитель наедине —
Рекл... яркий свет пустил свой луч
И, ложный плена скиптр поправши,
Стуцленную мглу разогнавши,
Блестящий день родил из туч.

